

Вопросы биографии и творчества И. Северянина

В.Н. Терехина, Н.И. Шубникова-Гусева
г. Москва

ОТ ИГОРЯ ЛОТАРЕВА К ИГОРЮ СЕВЕРЯНИНУ К вопросу об эволюции творчества поэта

Среди важнейших проблем изучения жизни и творчества Северянина выделяются вопросы его творческой эволюции. Все более актуальной становится проблема понимания художественного своеобразия и роли его наследия в поэзии Серебряного века. Нередко творческий путь Северянина разделяют и видят «двух разных поэтов, носивших одно литературное имя» [1, с. 5]. Один – поэт, автор «Громокипящего кубка» и «Ананасов в шампанском», поэт экзотики, каприза и эпатажа, избранный в 1918 г. королем поэтов. Другой – вынужденный эмигрант, оказавшийся вместе с больной матерью в Эстонии и живший вне России более 20 лет, с 1918 г. до своей смерти в 1941 г. В эти годы его стихи становятся проще, лиричнее, «пропадают» смелые неологизмы, новаторские словообразования, значительно реже звучат иронические нотки [16, с. 10].

В попытках объяснить эту «поэтическую метаморфозу, которая произошла с Игорем Северяниным», провозгласившим культ поэтической простоты, обыденности, «безвыкрутасности» [9, с. 17], многие отдавали предпочтение «„ручейковой” и ласковой лирике Северянина, рожденной любовью к земле, с которой он был долго и горько разлучен», и призывали к ее возрождению и отделению от ироничных салонных „поэз”, от крикливой саморекламы ранних программных стихов» [1, с. 14]. Один из исследователей творчества поэта даже отметил, что «впоследствии Северянин сам стеснялся

«Согреет всех мое бессмертье...»: Личность и творчество Игоря Северянина

этих своих стихов и, по возможности, от них отрещивался» [4, с. 12]. В то время как поэт в эмиграции на гастролях постоянно читал стихи из «Громокипящего кубка», а за четыре года до своей смерти сделал одиннадцатое «рукописное издание» одной из самых известных поэтических книг XX в.

Двойственность восприятия поэзии Северянина была связана с недостаточной изученностью его наследия, которое нередко представляло обедненным, разъятым на случайные фрагменты. При этом ускользала цельность восприятия творчества, преемственность и связь его периодов и в конечном счете – творческая индивидуальность одного из ярких символов эпохи Серебряного века русской поэзии.

Обратим внимание на тот факт, что сам Северянин осознавал сложность своего творческого пути, изменчивость своей поэтической манеры, свое стилевое разнообразие и отмечал его в разные периоды и этапы сменой своего имени. Мы сталкиваемся с длительной «псевдонимной историей», которая во многом определяет отношение автора к собственной творческой эволюции.

Прежде всего необходимо выделить в качестве самостоятельного периода раннее творчество поэта (1904–1912). Отчасти его собственные, достаточно условные описания содействовали тому, что эти годы не рассматривались как самостоятельный и значительный этап в последующей эволюции поэта, как его «литературный выдвиг», малоизученный и в известной степени мифологизированный. Не принималось во внимание и то, что именно в эти годы происходило становление его неповторимого художественного мира, непростой путь от юношеских стихотворений во славу русского флота до апофеозного утверждения: «Я – гений Игорь Северянин!». А также то, что именно в этот период поэт ищет не только свой индивидуальный стиль, но и свое поэтическое имя.

Игорь Васильевич Лотарёв родился 4 / 16 мая 1887 г. в Петербурге. Первые 10 брошюр будущий поэт печатал под собственным именем – Игорь Лотарев. Впервые автор столкнулся с необходимостью воспользоваться псевдонимом, когда в конце 1905 г. задумал в некотором роде периодическое издание – сборники стихотворений «Мимоза» (брошюры 11 и 12). В этом сборнике начинающий поэт использовал разные псевдонимные подписи под своими стихотворениями: «кн. Олег Сойволский» (от названия имени дяди поэта М.П. Лотарева – Сойвола, находящегося неподалеку от Череповца),

Изгнанник, Квантунец (образован от названия «Квантун» (Гуаньдун), часть Ляодунского п-ва, где в 1903 г. побывал Игорь), Весенний Ветерок, Беспристрастный. Есть и каламбурный псевдоним – Граф Евграф Д'Аксанграф, где имя Евграф означает по-гречески «благопишущий», а фамилия образована от названия ударения – Accentgrave (франц.) и др. Обилие псевдонимов позволило в глазах читателей «размножить» сотрудников издания и придать ему некоторую солидность.

Несмотря на обещание новых стихотворений и дальнейших изданий, альманах прекратил существование. Но не пропало желание выступать под изящными псевдонимами. Всего через две брошюры (№ 13 и 14) впервые появилась подпись-псевдоним «Игорь-Северянин» (через дефис): «Игорь-Северянин. Памяти А.М. Жемчужникова». Стихотворение датировано: С.-Петербург, 26 марта 1908 г. (т.е. на следующий день после кончины А.М. Жемчужникова).

Именно на листовке памяти А.М. Жемчужникова, одного из трех братьев, которые подписывались вместе с их кузеном А.К. Толстым коллективным псевдонимом «Козьма Прутков», молодой поэт опробовал свое литературное имя (не «Зарницы мысли», как пишет М. Петров, приводя дарительную надпись на брошюре: «Глубокоуважаемому талантливому поэту Леону Михайловичу Шах-Паронианцу от автора на воспоминание. Игорь-Северянин. 7.IV.08»).

Удалось установить, что это далеко не самое раннее использование нового имени. Псевдоним возник не позже декабря 1907 г., поскольку печатному оглашению нового псевдонима предшествовало воспроизведение его на визитной карточке: «Игорь-Северянин. Сотрудник-ритмик периодических изданий. С.-Петербург. Средняя Подъяческая, д. 5». Визитка в соответствующем ее размеру маленьком конвертике была отправлена К.М. Фофанову в Гатчину 30 декабря 1907 г. Это обстоятельство подтверждает высказанное исследователями предположение о том, что именно К.М. Фофанов посоветовал молодому поэту выбрать этот псевдоним.

Знакомство с Фофановым произошло 20 ноября 1907 г. Был холодный и снежный день. 27 ноября Фофанов написал первое посвящение – акrostих на имя «Игорь», затем, вероятно, последовало

дружеское прозвище приходившего на лыжах поэта – «Северянин». Фофанов писал в одном из посвящений:

Я видел вновь весны рожденье.
Весенний плеск, веселый гул,
Но прочитал твои творенья,
Мой Северянин, – и заснул...
И снилось мне: в стране полярной
В снегу и в инее сады...
И спало все в морозной неге –
От рек хрустальных до высот,
И, как гигант, мелькал на снеге
При лунном свете лыжеход [14, с. 10].

На значение псевдонима указывает также отрывок из очерка Северянина «Фофанов на мызе „Ивановка”» (1911). Вспоминая своего только что скончавшегося старшего друга, он писал: «После отъезда Фофанова выпал снег в конце мая. Снег белой ночью. Настоящий полярный север. И мне, как истому северянину, это явление было ближе и понятнее, чем всем вам, мои неизвестные читатели...» [13]. Несомненно, и автор, и Фофанов использовали слово «северянин» в его прямом значении – житель северных краев.

Словосочетание «Игорь-Северянин» означало констатацию этого факта, т.е. приложение «Северянин» являлось уточняющим определением и указывало на особое значение Русского Севера в жизни и творчестве поэта (ср. распространенное уточнение фамилий писателей: Мамин-Сибиряк, Новиков-Прибой). В сочетании с фамилией (Лотарев-Северянин) наличие дефиса было бы оправдано равновесностью составляющих частей, но для личного имени в русской грамматике нет равноценного приложения, кроме прозвища или фамилии. Трудно согласиться с тем, что здесь дефис «выступает значимым знаком, несущим огромную лингвокультурологическую информацию» [11].

Современники поэта и читатели наших дней воспринимают написание без дефиса как органичное сочетание подлинного имени и псевдонимной фамилии – «Игорь Северянин», в качестве нормативного варианта. Написание через дефис остается авторским вариантом, дорогим ему именем. Однако не стоит забывать, что псевдонимом «Игорь-Северянин» поэт отметил важный рубеж своего творческого пути.

Последняя печатная брошюра, подписанная псевдонимом Игорь-Северянин (через дефис), 35-я по авторской нумерации, «Эпилог „Эго-футуризм”» (1912).

4 марта 1913 г. в московском издательстве «Гриф» тиражом 1200 экземпляров вышла книга Северянина «Громокипящий кубок», которая имела оглушительный успех и открыла новый, «громокипящий» период его творчества (1913–1918). «Северянин через головы критиков и газет, – писал Д. Бурлюк, – готовых всегда замолчать, вдруг, сразу, стал модным поэтом, а издатели, купив право изданий за сотни рублей, продали книги в неслыханном тираже – до полусотни тысяч экземпляров» [3]. Появление нового поэта приветствовали А. Блок, В. Брюсов, З. Гиппиус, О. Мандельштам, В. Ходасевич, Иванов-Разумник, Н. Гумилев, А. Измайлов и др. Николай Гумилев оценил книгу как «культурное событие»; Федор Сологуб назвал ее «нечаянной радостью»; известный критик Александр Измайлов – «счастливым чудом». В дневнике А.А. Блока вскоре появилась запись от 25 марта 1913 г.: «Мы в „Сирине” много говорили об Игоре Северянине, а вчера я читал маме и тете его книгу («Громокипящий кубок»). Отказываюсь от многих своих слов, я преуменьшал его, хотя он и нравился мне временами очень. Это настоящий, свежий, детский талант...» [2].

На обложке книги появился новый псевдоним поэта: Игорь Северянин. Впервые имя дано без дефиса. Так автор подчеркнул начало нового этапа своего творчества. В предисловии Федора Сологуба также говорилось о приходе в литературу нового поэта: «Одно из сладчайших утешений жизни – поэзия свободная, легкая, радостный дар небес. Появление поэта радует, и, когда возникает новый поэт, душа бывает взволнована, как взволнована бывает она приходом весны».

Начиная с «Громокипящего кубка» (1913) и до конца жизни имя Игорь Северянин печаталось, как правило, без дефиса, как нормативный вариант, где приложение превратилось в фамилию (из 25 поэтических сборников (1913–1938) на двадцати значится автор «Игорь Северянин»). Следует указать и на исключения из этого правила – часть изданных в эмиграции книг сохраняла написание псевдонима через дефис («Puhajogi», «Cremedes Violettes», «Колокола собора чувств», «Падучая стремнина», «Вербэна»).

Современники оценили книгу как культурное событие, но продемонстрировали такое разнообразие трактовок и мнений, в кото-

ром «я» Игоря Северянина было неуловимо. От блоковского определения «настоящий, свежий, детский талант» до «хромого принца», казалось, была непроходимая пропасть. Но все эти оттенки, вся «печаль разнообразия», которую почувствовал Б. Пастернак в поэзии Северянина, на самом деле была ему реально присуща и отражалась в мозаике многочисленных критических оценок.

В определении Сологуба также можно усмотреть не только связь названия с легкими и сверкающими стихами Северянина, упоение весной и радостью жизни (упоминаемая им Геба – греч. миф. – богиня юности, была виночерпием во время трапезы олимпийских богов), но и параллель с классической традицией русской поэзии, идущей от Пушкина, Тютчева и Фета, что также свойственно стихам поэта. В заметке «Художник и критика» за подписью *Junior* говорилось: «Игорь Северянин, конечно, истинный поэт; такой певучести, такой классической простоты и сжатости слов и стиха давно не было в нашей поэзии, не было и такой свежести, не-литературности» [7, с. 379].

Третий период (1918–1930) связан с началом эмигрантской жизни Игоря Северянина в Эстонии, когда «король поэтов» оказывается в краю озер, вдали от центров русского зарубежья. Он ведет активную издательскую и гастрольную работу, сохраняет свойственное ему свободное дыхание, неповторимые интонации. «Поэтом кружевных настроений» назвала его рецензент сборника «Соловей» [17]. Как до революции, так и в эстонский период поэт свободно использовал разные формы своего псевдонима и настоящей фамилии. Одно письмо Александру Яценко в 1921 г. подписано «И. Северянин», а второе – «Игорь Вас. Лотарев». Около сотни писем, адресованных в 1920–30-х гг. Августе Барановой, подписаны «Игорь». В его сознании три собственных имени порой существовали равноправно, отражая разные коммуникативные задачи. Была ли здесь закономерность применительно к отдельным творческим периодам или жанрам? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Критики также называли Северянина по-разному, но в 1920–30-е гг. наиболее часто без дефиса – Игорь Северянин.

Завершающий – четвертый период (1930–1941) отразил слиянность и одновременно диссонанс образа частного человека и поэта-модерниста. Современники ощутили преимущество важнейшего сборника «Классические розы» и «Громокипящего кубка», определяющую особую цельность творческого пути Северянина. В книге

«Классические розы» при внимательном рассмотрении встречаются характерные для раннего Северянина поэтические приемы (неологизмы, бытовая лексика, синтаксические сдвиги, оригинальные стихотворные формы). По-прежнему Северянину-поэту интересны поиски в словообразовании: *предвоскресье, предгневьё, смехач, безмуженка, лосо́ска, мечтальня, предажа, зяблые горизонталки, всех одиноче, сердцем оволжен, оновенный дом, ночела столица.*

Северянин воплотил одно из главных противоречий поэтической эпохи – стремление к изощренности стихотворных форм и одновременно – демократизации, расширению лексической базы за счет языка газет, политики, науки, социального жаргона. Его опыт не оставил равнодушными современных ему поэтов и стал для них своеобразной точкой отсчета.

Пользуясь повседневно своими псевдонимами, поэт был вынужден в суде устанавливать свое гражданское имя «Игорь Васильевич Лотарев», когда в конце 1930-х гг. оформлял получение пенсии от эстонского государства. Сознательное противопоставление этих имен использовано поэтом в интервью «Игорь-Северянин беседует с Игорем Лотаревым о своем 35-летнем юбилее» (1940) [6]. В интервью говорится о трагическом положении поэта, и потому беседа построена на игре собственным именем и псевдонимом. В заглавии присутствует наиболее употребительный псевдоним, с которым поэт прославился (Игорь-Северянин), и настоящее имя (Игорь Лотарев), в интервью же мы встречаем третьего, их объединяющего персонажа – Игоя Северянина (без дефиса), который присутствует и в тексте критика, и в ответах поэта.

Как мы видели, написание без дефиса и превращение приложения в фамилию не было и не остается произволом издателей или критиков. Это необходимость, осознанная и принятая автором и выходящая за пределы литературной игры. Смена имен отражает сложную эволюцию его творческого мира, единого в пределах его индивидуальности и многообразного на каждом этапе. Северянин словно вспоминает о словах Сологуба: «Обозрев многие свои забытые маски, душа лирического поэта осознает свою многосложность и родство с множеством. Тогда отдается она другой своей силе, устремляется к сочувствиям и перевоплощениям и жаждет без конца расширять бытие» [15].

Литература

1. *Бабичева Ю.В.* Еще не умерт... Игорь Северянин // Северянин И. Классические розы. Медальоны. М., 1991. С. 5–26.
2. *Блок А.А.* Собр. соч. М., 1963. Т. VII. С. 232.
3. *Бурлюк Д.* Листки футуристической хрестоматии (Игорь Васильевич Северянин (Лотарев)) // Голос Родины. Владивосток. 1920. 26 сент.
4. *Городничкий Л.* История одной книги // Игорь Северянин. Громокипящий кубок. Поэзы / Коммент. Л. Городничского. М., 2006.
5. *Иванова Е.В.* Поэтическая генеалогия Игоря Северянина // О Игоре Северяnine: Тезисы докладов научн. конференции, посв. 100-летию со дня рождения Игоря Северянина. Череповец, 1987. С. 19, 21.
6. Игорь-Северянин беседует с Игорем Лотаревым о своем 35-летнем юбилее // Вести дня. Таллин, 1940. 2 февр.
7. *Игорь Северянин.* Царственный паяц. Автобиографические материалы. Письма. Критика. СПб., 2005.
8. *Исаков С.Г.* Первое научное издание сочинений Игоря Северянина. Рец. на кн.: Северянин Игорь. Громокипящий кубок <...>. М.: Наука. 2004 // Новое литературное обозрение. 2005. № 71. С. 434.
9. *Кошелев В., Сапогов В.* «Музей моей весны...» // Северянин И. Стихотворения. Поэмы / Сост. и коммент. В.А. Кошелева, В.А. Сапогова. Архангельск, 1988. С. 5–20.
10. *Круус Р.* Об «эстонском» периоде Игоря Северянина // О Игоре Северяnine: Тезисы докладов научн. конференции, посв. 100-летию со дня рождения Игоря Северянина. Череповец, 1987. С. 11–14.
11. *Никутьцева В.В.* Проблема изучения творчества Игоря-Северянина в единстве авторской воли и восприятия современников // Международные аспекты современного образования: Сб. научн. трудов. М., 2003. С. 45.
12. *Петров М.* Письма Игоря Северянина. URL: <http://www.hot.ee/mvp/post/mail/mail-00.html>
13. РГАЛИ Ф. 11 52. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 2.
14. *Северянин И.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5 / Сост. и коммент. В.А. Сапогова, В.А. Кошелева. СПб., 1996.
15. *Сологуб Ф.* Собр. соч. СПб., 1913. Т. 5. С. 5.
16. *Филькина Е.* Предисловие // Северянин И. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / Сост. и коммент. Е. Филькиной. М., 1999. С. 5–12.
17. *Христановская К.* Поэт кружевных настроений // Наша речь. Бухарест, 1933.

1488665